

Секция 3

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ В СТРАНАХ СНГ: АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ, УПРАВЛЕНИЕ

Руководители секции:

П. БЮЛЬ-БЮЛЬ оглы	Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, председатель правления Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджанской Республики
С. Ю. ГЛАЗЬЕВ	заместитель Генерального секретаря Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), академик РАН, доктор экономических наук, профессор
А. Л. САФОНОВ	заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ, доктор экономических наук, профессор СПбГУП, действительный государственный советник 1-го класса
М. В. ШМАКОВ	председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП

В. А. Авксентьев¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ЮГЕ РОССИИ²

Территории, которые с 2000 года принято объединять общим понятием «Юг России», традиционно представляли собой ареал взаимодействия культур и цивилизаций, которое нередко носило конфликтный характер. Современную ситуацию на Северном Кавказе и прилегающих территориях — в Нижнем Поволжье, на Дону и Кубани — также зачастую описывают в терминах социокультурных конфликтов и противостояний. В исследованиях философов и культурологов регион нередко рассматривается как ареал конфликтного взаимодействия христианского и мусульманского миров — элемент мировой «дуги конфликтности»³.

¹ Директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 247 научных публикаций, в т. ч.: «Конфликтология: базовые концепты и региональные модели» (в соавт.), «Конфликтологическое образование в России: экспертное мнение», «Религиозный фактор и проблемы безопасности Юга России» (в соавт.), «Молодежь юга России перед цивилизационным выбором» (в соавт.), «Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам» (в соавт.), «Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы» (в соавт.), «Этнические конфликты» и др. Вице-президент Международной ассоциации конфликтологов. Член редколлегии журналов «Конфликтология», «Вестник Южного научного центра РАН», «Вестник Ставропольского государственного университета».

² Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе», реализуемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 11-03-00070а.

³ См., например: *Аксюмов Б. В.* Применима ли концепция «конфликта цивилизаций» к анализу культурно-идеологической ситуации на Северном Кавказе? // Этнические проблемы современности / под ред. В. А. Авксентьева, Б. В. Аксюмова. Ставрополь, 2011. Вып. 16. С. 18–28; *Кусова С.* Российско-кавказская аномалия. URL: <http://www.kavkasion.ru/fossijsko-kavkazskaya-anomaliya> (дата обращения: 29.12.2011).

Другие исследователи, наоборот, склонны видеть во всех проблемах региона политическую подоплеку, восходящую к конфликтам экономических интересов. Это идея так называемого «этнического антрепренерства», поддерживаемая конструктивистским и инструменталистским направлениями в российской этнологии.

Еще одна популярная объяснительная модель — геополитическая, согласно которой Северный Кавказ и Кавказ в целом был, есть и будет зоной острого геополитического соперничества, в котором меняются глобальные и региональные игроки, но сам объект остается. Из большого числа публикаций по этой теме можно выделить статью Ф. Бадерхана «Место российского Кавказа во второй мировой перестройке, начатой в арабском мире»⁴.

Каждый из этих подходов хорошо аргументирован, основан на эмпирических обобщениях, а потому имеет право на существование. Однако научные дебаты по данной проблематике имеют непосредственный выход в практическую политику, влияя на оценку ситуации и определение причин затяжного регионального кризиса, постановку целей и задач, определение приоритетов управленческой деятельности. В среде политиков и управленцев в течение почти всего постсоветского периода господствовал «стихийный» экономический детерминизм, во многом сохранившийся до сих пор. Это один из важных факторов, тормозящих реализацию большинства усилий по кардинальному улучшению ситуации на Юге России.

Поскольку значимость экономического фактора в жизни любого сообщества не подлежит сомнению,

⁴ Двадцать лет реформ: итоги и перспективы : сб. ст. / под общ. ред. М. К. Горшкова, А.-Н. З. Дибирова. М. ; Махачкала, 2011. С. 147–152.

попытаемся проанализировать соотношение экономических и социокультурных факторов эволюции конфликтного процесса на Юге.

Создание в 2010 году Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) кардинально изменило политическую конфигурацию Юга и потребовало корректировки исследовательских стратегий. Один из основных ранее фиксировавшихся учеными рисков — риск экономического раскола Юга России на активно развивающийся Азово-Черноморский регион и демодернизовавшийся восток Северного Кавказа¹ — нашел своеобразное воплощение в политике: граница между двумя округами пролегла почти точно между ареалами модернизации и демодернизации, и они стали далее развиваться как самостоятельные макрорегионы.

Создание нового округа предполагает формирование нового типа регионального конфликт-менеджмента. Было осознано, что «реактивный» конфликт-менеджмент, к которому традиционно прибегали полпреды в Южном федеральном округе, полностью себя исчерпал и необходим переход к системному проактивному, а в перспективе — проективному конфликт-менеджменту. Эти установки, хотя и не были озвучены властью в таком терминологическом варианте, содержательно соответствуют цели создания округа. Была поставлена задача — изменить положение дел на Северном Кавказе путем трансформации самих основ жизни. В качестве этих основ была признана экономическая составляющая.

Стереотип о том, что бедность, безработица, другие негативные социально-экономические явления служат основным препятствием для урегулирования конфликтов на Северном Кавказе, исповедовался властями различного уровня весь постсоветский период. Однако назначенный полномочный представитель Президента РФ в СКФО А. Г. Хлопонин быстро преодолел это упрощенное видение экономических факторов региональной конфликтности. На совещании с членами Совета при губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений 19 января 2011 года А. Г. Хлопонин отметил: «Я никогда не соглашусь, что ключом к решению национальных проблем является экономика»². На встрече в Кабардино-Балкарском государственном университете 11 февраля 2011 года А. Г. Хлопонин еще раз подтвердил тезис о переориентации политики, проводимой в СКФО. Так, полпред категорически опроверг версию о том, что обострение ситуации в округе вызвано высокой безработицей. «На Кавказе в этом отношении не хуже, чем в остальных регионах»³.

Существенным движением вперед в понимании региональных процессов стала Стратегия развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года, принятая в сентябре 2010 года. Специфика этого доку-

мента заключается в том, что в нем содержится раздел о терроризме, экстремизме, межэтнических конфликтах в регионе, которые рассматриваются как препятствия для масштабных экономических преобразований. Однако этот правильный тезис не получил практического подкрепления уже в самой стратегии. Выбор был сделан в пользу так называемого оптимального сценария, предполагающего масштабные проекты и финансовые вливания, для которых нет необходимых условий. Разрабатываемая программа развития округа имеет технологический контекст: социально-политическое и гуманитарное измерение почти исчезло из обсуждаемого документа, единственное социальное «приложение», которое проходит через все проекты, — ожидаемое количество новых рабочих мест.

Экономические и социокультурные детерминанты регионального конфликтного процесса на Юге России тесно связаны между собой, однако более сложным и опосредованным образом, чем это обычно представляется. Распад производств в 1990-е годы привел к глубокой демодернизации экономики и сопутствующей ей архаизации социально-политической и культурной жизни. Полномасштабное возрождение свойственной средневековому обществу этноклановой структуры обусловлено именно демодернизацией экономики. Другим серьезным следствием явилась утрата интереса к естественно-научному и инженерному образованию, непропорциональное разрастание гуманитарной сферы, широкое распространение религиозного мировоззрения. Эти тенденции (по принципу «воронки причинности») влекут дальнейшую демодернизацию экономики, усиление негативных тенденции в социально-политической и духовной сферах. Но главное — это нарастание социокультурного раскола на Юге, являющегося серьезным вызовом концепту формирования полиэтнической цивилизации, скрепленной русским культурным ядром⁴.

При имеющихся различиях в толковании понятий «цивилизация» и «модернизация» невозможно отрицать того факта, что русская (или российская) цивилизация — модернизационно ориентированная, особенно если говорить о современном этапе ее развития. Не будет преувеличением сказать, что Россия *заждалась модернизационного рывка*. Однако модернизационные настроения неравномерны на территории страны, на Северном Кавказе преобладают традиционалистские умонастроения. Общественное сознание «зациклено» на прошлом, в нем слабо присутствует интерес к настоящему и будущему. Проявлением этого служат гипертрофированное увлечение историей и этнографией, непропорционально высокий статус гуманитарной интеллигенции и гуманитарного образования, повышенная религиозность. Формирование *цивилизационной идентичности России* предполагает модернизационную переориентацию населения Юга, что должно быть промежуточной целью экономической реконструкции региона. Можно согласиться с мнением Ф. Бадерхана, что альтернативная стратегия России на Кавказе долж-

¹ Матишов Г. Г., Батиев Л. В., Котеленко Д. Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов н/Д, 2007. С. 142–157.

² Цит. по: Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / В. А. Авксентьев [и др.]; под ред. Г. Г. Матишова, Н. И. Голубевой, В. А. Авксентьева. Ростов н/Д, 2011. С. 21.

³ Деньги есть, гражданского общества нет // Независимая газета. 2011. 11 февр. URL: http://www.ng.ru/editorial/2011-02-11/2_red.html (дата обращения: 15.02.2011).

⁴ См.: Путин В. В. Россия: национальный вопрос. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17831>. Сайт Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина (дата обращения: 30.01.2012).

на быть оформлена в качестве общенационального мобилизационного проекта, где народы региона чувствовали бы себя его органической частью¹.

Таким образом, эффективная стратегия России на Кавказе должна строиться не на экономическом, а на *социокультурном детерминизме*, в рамках которого эффективность экономических мер должна оцениваться не с помощью набора экономических показате-

телей, а с точки зрения социокультурных изменений, происходящих под влиянием экономических преобразований. К сожалению, этот подход, едва наметившийся в Стратегии развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года, стал «сдавать позиции» традиционному экономическому детерминизму по мере движения от стратегии к программе развития округа.

---

¹ *Бадерхан Ф.* Место российского Кавказа во второй мировой перестройке, начатой в арабском мире // Двадцать лет реформ: итоги и перспективы : сб. ст. / под общ. ред. М. К. Горшкова, А.-Н. З. Дибирова. М. ; Махачкала, 2011. С. 151.